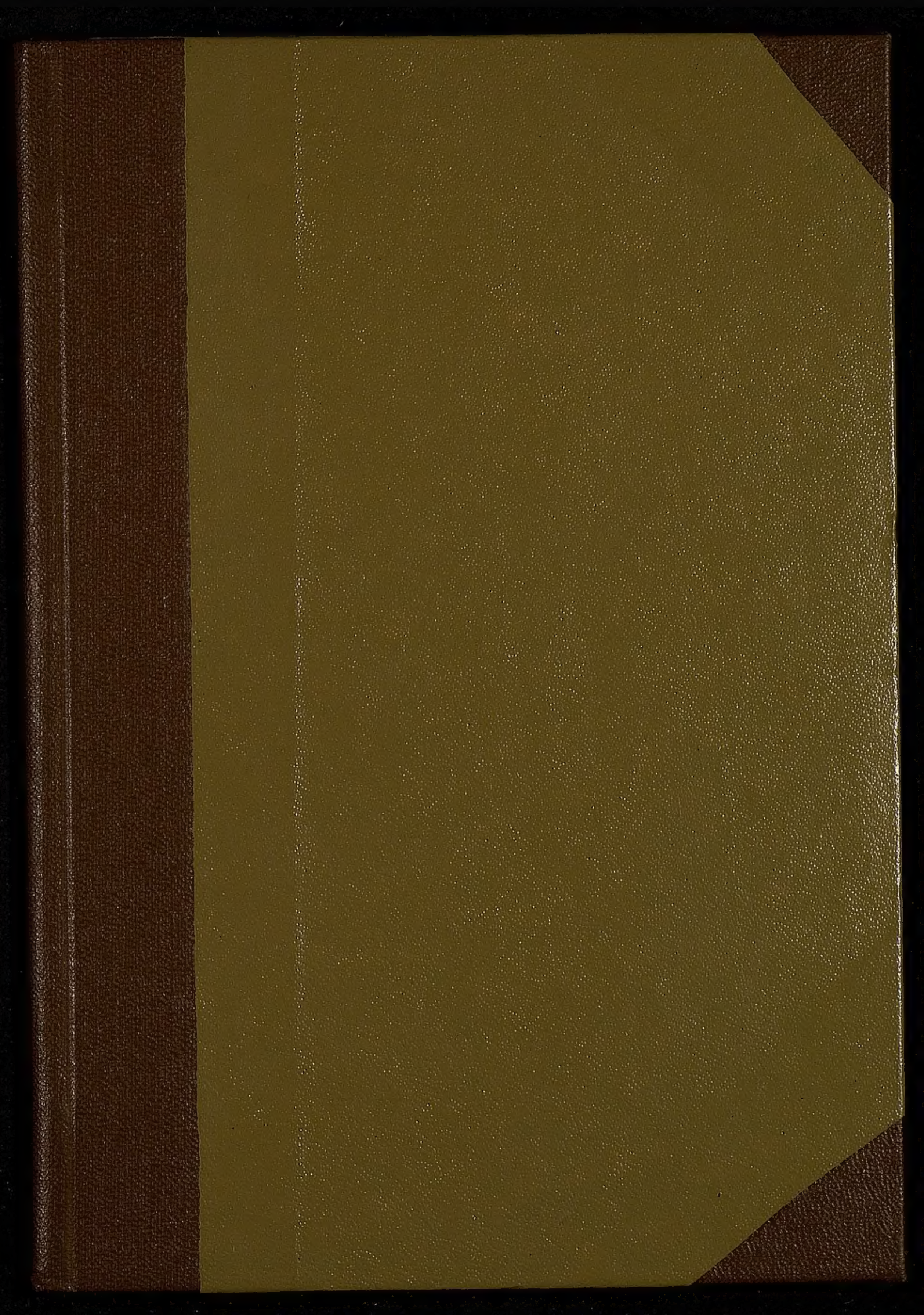
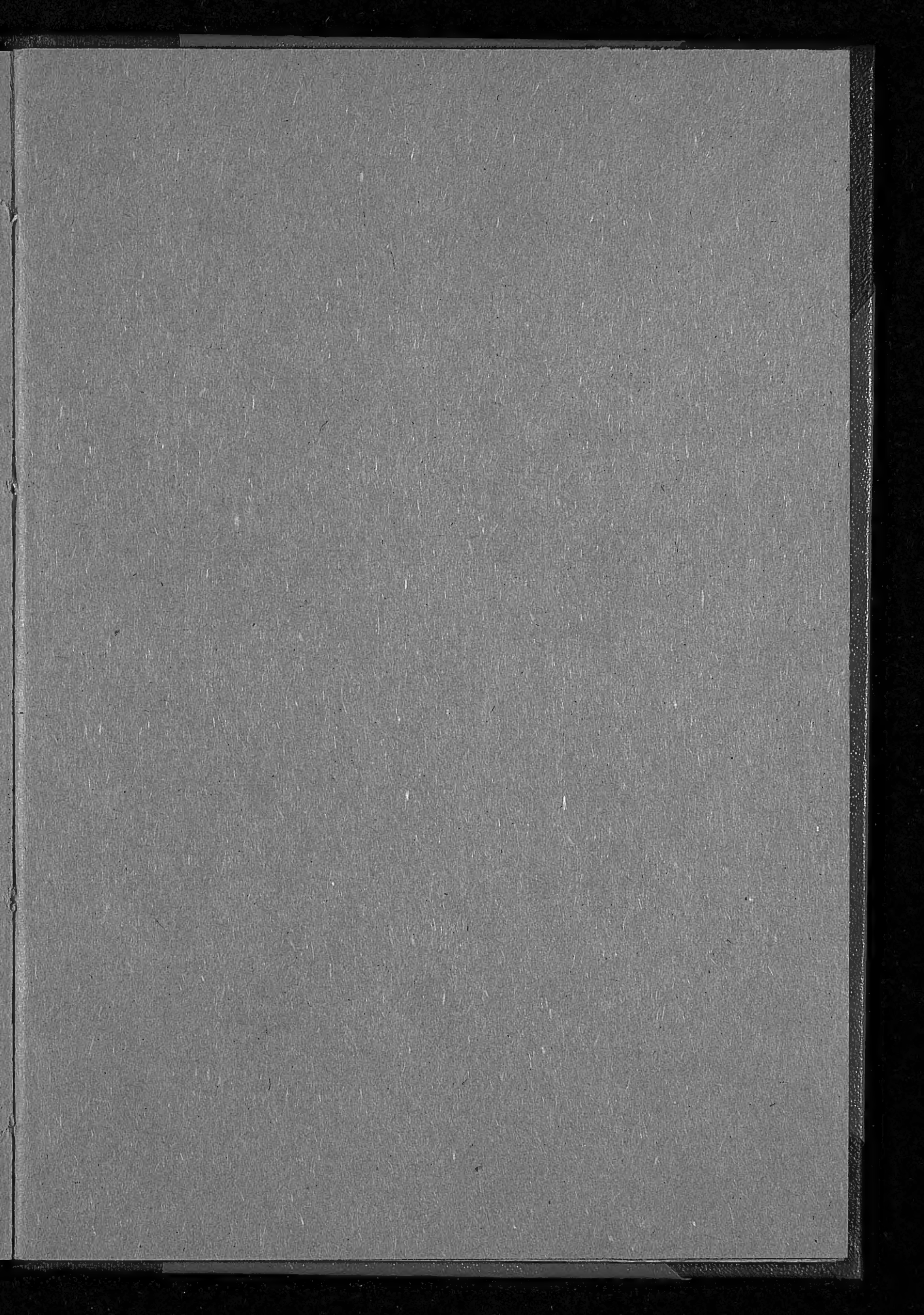
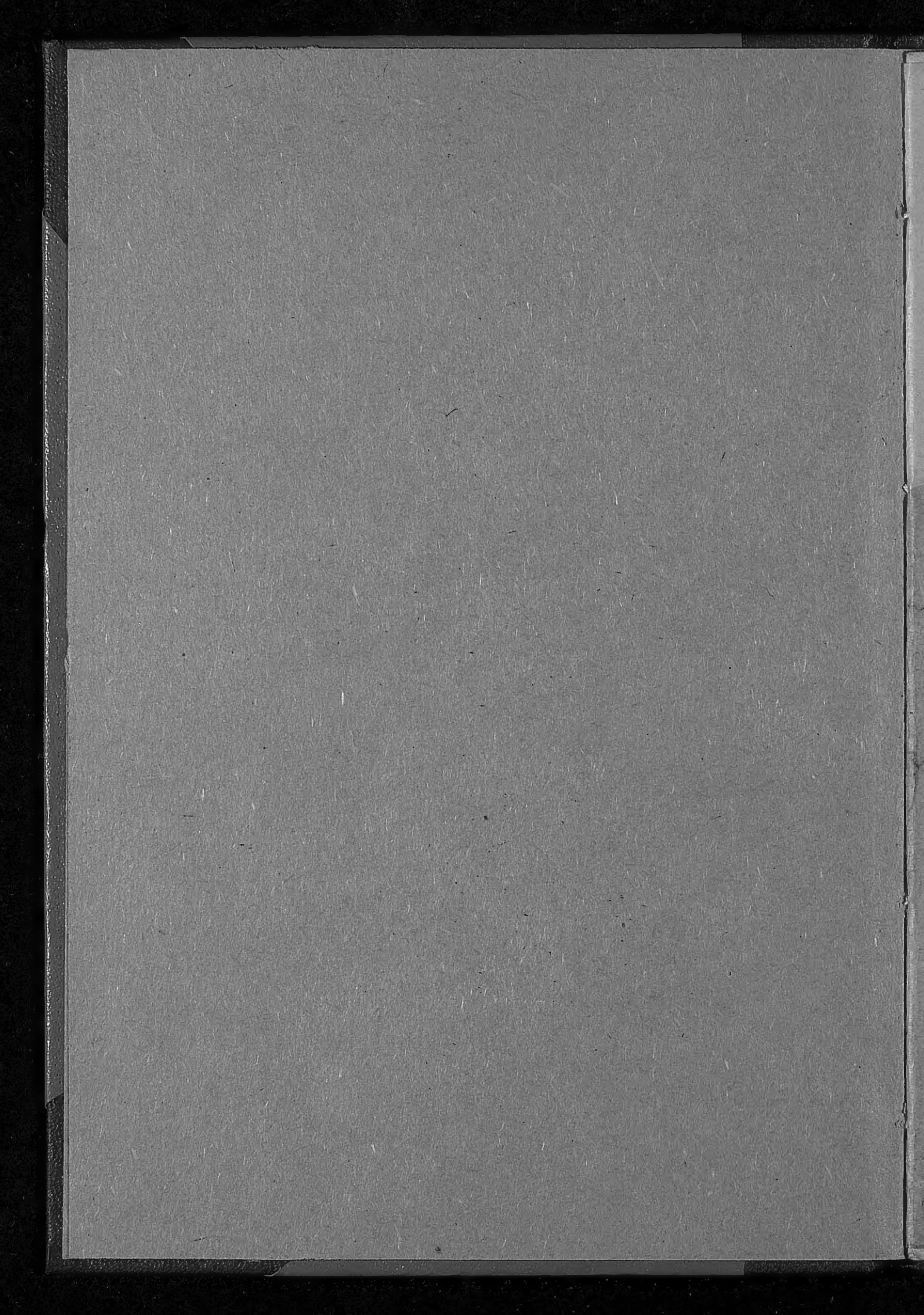


Зар. мк





КЪ КАЗНИ
РУССКИХЪ ВОЛОНТЕРОВЪ
ВО ФРАНЦІИ

(ПИСЬМА, СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ)

Изданіе Женевской Группы Сод. „Нашему Слову“

ЖЕНЕВА

Августъ 1915 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

—:—

КЪ ВОЛОНТЕРСКОЙ ТРАГЕДІИ.

Предлагаемый ниже вниманію читателей матеріалъ, относящійся къ той кровавой драмѣ, которая разыгралась возлѣ Каранси, не могъ быть опубликованъ въ русской соціалистической прессѣ въ Парижѣ, поставленной въ тяжелыя цензурныя условія, не позволяющія ей поднять хоть немного завѣсу надъ тѣмъ, о чемъ шепотомъ говорятъ во всѣхъ углахъ Франціи. А между тѣмъ этотъ матеріалъ, характеризующій одну изъ самыхъ скорбныхъ страницъ эпохи нынѣшняго распада, глубокаго презрѣнія къ человѣческой жизни и полной деморализаціи оффиціальнаго соціализма заслуживаетъ того, чтобы онъ не исчезъ безслѣдно въ редакціонныхъ корзинахъ и карманахъ отдѣльныхъ лицъ, а былъ вынесенъ на судъ тѣхъ, кто не потерялъ ни головы, ни совѣсти, ни чести даже въ эти ужасные дни. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать какіе бы то ни было политическіе выводы, ибо этотъ матеріалъ слишкомъ краснорѣчивъ и не требуетъ особенныхъ коментаріевъ. Мы хотимъ лишь напомнить въ этой небольшой замѣткѣ читателямъ фактическую сторону волонтерской трагедіи.

Въ августѣ 1914 года французской республикѣ грозила опасность. Тотъ, кто пережилъ эти дни во Франціи, знаетъ, что представлялъ собою Парижъ въ первыхъ числахъ августа прошлаго года. Вся жизнь остановилась въ одинъ день: стали фабрики, заводы, закрылись магазины; тысячи людей очутились безъ заработка, жили неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ. Все сообщеніе было прервано. Парижъ, этотъ узловой нервъ торговой, промышленной и культурной жизни, оказался вдругъ сразу отрѣзаннымъ отъ всего міра. Почти все мужское насе-

леніе было призвано подъ ружье. Въ городѣ остались лишь старики, женщины, дѣти и немощные. Кругомъ царило настроеніе, граничащее съ отчаяніемъ. И среди этого населенія, живущаго своимъ огромнымъ, безмѣрнымъ бѣдствіемъ, очутилась, точно выкинутая тонущимъ Титаникомъ, окруженная со всѣхъ сторонъ ползущей кровавой стихіей, многочисленная русская эмиграція. Отрѣзанная отъ Россіи, потерявшая заработокъ, не имѣющая никакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ въ той странѣ, гдѣ ее застигла война, она должна была себя почувствовать непрошеннымъ гостемъ, пребываніе котораго только въ тягость хозяевамъ; «лишнимъ ртомъ», объѣдающимъ хворыхъ, малыхъ и слабыхъ, которыхъ оставила позади себя война.

И это положеніе ей дали сейчасъ же почувствовать. Въ первые же дни войны въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ работали иностранцы, начались расчеты русскихъ, обвиненныхъ поголовно русскимъ посольствомъ и реакціонной печатью въ дезертирствѣ. Французскіе предприниматели скверно разбирались въ тонкостяхъ русскаго устава о воинской повинности, они считались лишь съ голымъ фактомъ пребыванія на французской территоріи подданныхъ одной изъ воюющихъ союзныхъ державъ, способныхъ носить оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ районахъ Монмартра и Бастиліи, гдѣ скучено еврейское населеніе, мелкіе лавочники, ремесленники, распространялись невѣдомо кѣмъ пущенные зловѣщіе слухи о готовящемся противъ русскихъ евреевъ погромѣ, если они не вступятъ немедленно въ ряды арміи. Разгромъ лавокъ фирмы Maggi только способствовалъ усиленію этого тревожнаго настроенія. Приведенныя въ отчаяніе французскія женщины подозрительно оглядывали каждаго прохожаго мужчину, видя въ немъ дезертира, желающаго увернуться отъ налога крови за счетъ ихъ мужей, братьевъ и отцовъ. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ были случаи открытаго нападенія. Такъ въ районѣ Levallois Perret толпа женщинъ накинулась на русскаго рабочаго съ криками: «а, негодяй, ты прохлаждаешься здѣсь, когда

наши всѣ ушли умирать за твою страну и твоего царя, которые навязали Франціи войну» и только вмѣшательство полиціи спасло случайнаго прохожаго отъ ярости толпы.

Положеніе русскихъ въ домахъ стало невозможнымъ. Окруженные недовѣріемъ всѣхъ другихъ жильцовъ, постоянно и назойливо опрашиваемые о времени отправленія ихъ въ армію, русскіе эмигранты чувствовали себя на положеніи травимыхъ волковъ. Къ этому моральному давленію скоро присоединилось прямое полицейское давленіе. Во второй половинѣ августа на вокзалѣ St-Lazare былъ арестованъ видный политическій эмигрантъ П., который не могъ предъявить, по требованію комиссара, бумагъ, освобождающихъ его отъ воинской повинности. Фактъ ареста съ быстротой молніи облетѣлъ еврейскіе кварталы и создалъ почву для новыхъ слуховъ о рѣшеніи французскаго правительства выдавать русскихъ эмигрантовъ Россіи.

Что должна была дѣлать въ такихъ условіяхъ многочисленная «неполитическая» эмиграція?

Она кинулась сначала въ русское посольство. Но здѣсь на дверяхъ ее ждало объявленіе въ духѣ великой «освободительной» войны: «Входъ разрѣшается только лицамъ неіудейскаго вѣроисповѣданія. Лица іудейскаго вѣроисповѣданія должны обращаться туда то...» Но и въ «іудейскомъ» и «неіудейскомъ» отдѣленіи русскаго посольства одинаково давали одинъ и тотъ же неизмѣнный совѣтъ: «поступайте въ армію» и рекомендовали адресоваться къ военному атташе полковнику О..., который любезно соглашался «урегулировать положеніе». И тутъ же появились какіе то подозрительные агитаторы, вродѣ, напримѣръ, нѣкоего «шефа русскихъ и еврейскихъ дезертировъ» инженера Вейсблата, которые подогрѣвали толпу, устраивали шествія съ національными русскими знаменами, пѣли гимны, произносили зажигательныя рѣчи, писали въ редакцію «Guerre Sociale» благодарственныя письма русскому правительству за «истинно человѣческое» отношеніе, проявленное къ ли-

цамъ іудейскаго и неіудейскаго вѣроисповѣданія и которые, конечно, выполнивъ свою миссію продолжаютъ пребывать въ тылу и понынѣ. Къ концу августа русское населеніе въ Парижѣ дало, при содѣйствіи русскаго посольства, нѣсколько тысячъ волонтеровъ, шедшихъ защищать французскую демократію и республику противъ нѣмецкаго варварства и абсолютизма.

Но въ Парижѣ была еще и другая часть населенія, воспитанная въ другихъ политическихъ традиціяхъ. Между ней и русскимъ посольствомъ лежала непроходимая пропасть. Эта часть населенія умѣла плыть противъ стихіи, ей не страшно было разжигаемое человѣконенавистничество, ибо она не разъ видала лицомъ къ лицу смерть. Мы говоримъ о русской политической эмиграціи, пережившей въ августѣ 1914 года страшные дни душевнаго и идейнаго надлома. Эти «чужестранцы» были тѣсно связаны съ соціализмомъ той страны, гдѣ они жили; они привыкли вѣрить въ моральную силу французской секціи Интернаціонала, въ авторитетъ такихъ вождей съ незапятнанной репутаціей, какъ Жоресъ, Вальянъ, Гедъ, Самба... Жоресъ былъ убитъ, и у его гроба французская соціалистическая партія и конфедерація труда взяли на себя торжественное обязательство защищать европейскій соціализмъ и европейскую демократію отъ прусскаго юнкера. На историческомъ засѣданіи 2 августа въ залѣ Wagram Вальянъ и Самба заклинали прибѣжавшихъ услышать въ трагическую минуту голосъ партіи рабочихъ — защищать отчизну и республику. И въ ту же ночь поѣзда увозили на востокъ и на сѣверъ тысячи парижскихъ пролетаріевъ, членовъ синдикатовъ, членовъ партіи, съ именами которыхъ было связано во Франціи рабочее движеніе. Отъ ихъ имени у катафалка, гдѣ лежало тѣло Жореса, при плачѣ многотысячной толпы, самъ плача, Жуо клялся, что это будетъ «послѣдняя война» во имя справедливости и братства народовъ. И съ этого собранія, съ этихъ похоронъ русскіе политическіе эмигранты ушли съ сознаніемъ, что санкція на войну дана, что другого исхода

для тѣхъ, кто не хочетъ остаться равнодушнымъ къ народному бѣдствію, нѣтъ. Конечно, теперь, когда окристаллизовались теченія въ соціализмѣ, когда интернаціоналистическая критика пробила глубокія бреши в мифологіи послѣдней войны, съ вершины безстрастнаго, холоднаго теоретическаго анализа многимъ непонятенъ ни этотъ выходъ изъ тупика, ни это психологическое настроеніе, но нужно было жить въ Парижѣ въ эти минуты, чтобы видѣть, какую мучительную душевную драму пережила въ эти дни политическая эмиграція, чтобы понять, что вопросъ о волонтерствѣ былъ вопросомъ не теоретическихъ дебатовъ, а вопросомъ «больной совѣсти», страдающей страданіями того народа, среди котораго жила эта эмиграція, жаждущая пріять на себя ударъ, упавшій на головы другихъ. «Какъ хотите вы, чтобы я остался здѣсь, говорилъ въ эти дни одинъ организованный рабочій членъ синдиката шоферовъ. Я членъ синдикальнаго совѣта, насъ было тамъ 10 человѣкъ, восемь находятся на фронтѣ, въ Парижѣ осталася я да одинъ старикъ. Мое положеніе невыносимое». Психологически многіе разрѣшили вопросъ о волонтерствѣ положительно такъже, какъ они разрѣшили бы вопросъ о безнадежномъ тюремномъ бунтѣ, протестовать противъ котораго уже поздно и въ которомъ приходится принять участіе изъ солидарности, ибо совѣсть не мирится ни съ пасивностью, ни съ выжиданіемъ.

Но если эта разбереженная совѣсть еще колебалась передъ трагической дилеммой—брать или не брать ружье, то именно на ту чашку вѣсовъ, гдѣ лежало ружье, упало тяжелой гирой слово авторитетнаго основателя Русской Соціальдемократіи Плеханова. «Товарищи, говорилъ Плехановъ собравшейся записываться въ волонтеры эмигрантской молодежи, если бы я былъ помоложе, я самъ бы взялъ ружье, — знайте, что вы идете бороться за правое и хорошее дѣло...» Соціалъ-патріотическіе «l'Humanité» и «Guerre Sociale» благословляли русскихъ волонтеровъ, а экспансивный Эрве призывалъ парижское населеніе усыпать передъ ними цвѣтами

улицу. И передъ тѣми, у кого еще въ душѣ копошились хоть какія нибудь сомнѣнія, представитель партіи с.-р. въ международномъ соціалистическомъ бюро, Рубановичъ, бралъ передъ лицомъ Интернаціонала торжественное обязательство на страницахъ «l'Humanité», что ни одна капля крови русскихъ соціалистовъ не будетъ пролита за дѣло русской реакціи.

Такъ, при посредствѣ соціалистической парламентской фракціи, при активномъ содѣйствіи шефа канцеляріи министра безъ портфеля, Жюля Геда, и издателя газеты для нѣмецкихъ плѣнныхъ: «Zeitung für die deutsche Kriegsgefangenen», нынѣ благополучно здравствующаго Шарля Дюма, былъ конституированъ волонтерскій отрядъ изъ русскихъ соціалистовъ, которому даже не позволили называться «соціалистическимъ отрядомъ», а только лойяльно, по-республикански, именоваться «ротой русскихъ республиканцевъ».

Двадцать шестого августа на товарномъ вокзалѣ въ Иври, предмѣстіи Парижа, русская колонія провожала свою «роту русскихъ республиканцевъ». Это были проводы, похожіе на похороны. Самыми бодрыми были отъѣзжавшіе на линію огня, въ публикѣ только плакали...

Но плакать, предаваться печали уже было не время. Послѣ страшнаго боя у Шарлеруа нѣмецкія войска двигались густыми колоннами къ Парижу. Городъ охватила еще небывалая паника. Вокзалы были переполнены бѣженцами. Вся буржуазія первой покинула Парижъ, въ немъ осталась одна лишь бѣднота, которой некуда и незачѣмъ было бѣжать. Правительство переѣхало въ Бордо, за нимъ поспѣшили и чины посольства, передавшіе «защиту русскихъ интересовъ» испанскому консулу. Въ первыхъ числахъ сентября на улицахъ Парижа появился приказъ военнаго губернатора Парижа Галіени, заявлявшаго о порученной ему защитѣ Парижа и о своей готовности выполнить это порученіе «jusqu'au bout». Этотъ приказъ, обращенный къ парижанамъ, былъ прямымъ приглашеніемъ и совѣтомъ гражданскому населенію покинуть готовый къ осадѣ городъ. «Капитанъ

Галліени, писалъ въ это время Эрве, взорветъ скорѣе ему порученный корабль, чѣмъ сдастъ его врагу. Но капитанъ Галліени долженъ позаботиться, чтобы женщины и дѣти покинули этотъ корабль и были первыми спущены на шлюпкахъ въ море». Русская эмиграція также въ большинствѣ поспѣшила сѣсть на эти «шлюпки», которыя увозили «безполезные рты» за предѣлы боевой линіи. Было ясно, что тѣ, кто остается въ Парижѣ съ его боевымъ экипажемъ, съ его пассажирами III класса, позабытыми спасательными шлюпками, не смогутъ быть только зрителями въ той отчаянной не на жизнь, а на смерть борьбѣ, къ которой готовился Парижъ въ первыхъ числахъ сентября 1914 года. Оборона Парижа, оборона того населенія, которое фактически ждало и мирилось со всѣми ужасами неизбѣжной осады, тѣхъ рабочихъ дѣтей, которыя играли на улицахъ подъ пролетавшими надъ городомъ блиндированными аэропланами — вотъ что толкнуло многихъ эмигрантовъ записаться въ армію уже въ тотъ моментъ, когда крѣпостные форты Парижа салютовали передъ появившейся у Мо арміей генерала фонъ Клюка. Вторая волна волонтерства пригнала новые эмигрантскіе кадры въ рекрутскія бюро, пригнала тѣхъ, кому природная щепетильность мѣшала занять мѣста на «шлюпкахъ», предназначенныхъ для женщинъ и дѣтей.

Такова въ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ исторія русскаго волонтерства во Франціи, исторія правдивая, безстрастно излагающая факты. И, если бы годъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что эпилогомъ русскаго волонтерства будетъ эта драма у Каранси, гдѣ пули африканскихъ «дикарей» пронизаютъ тѣхъ, кто шелъ бороться за «цивилизацію» противъ «варварства», что путь, усѣянный цвѣтами, превратится въ тотъ крестный путь, который прошли русскіе волонтеры въ иностранномъ легіонѣ за эти мѣсяцы войны! Но развѣ этого нельзя было предвидѣть?

Нынѣшняя война ведется не только за другія цѣли, чѣмъ тѣ, которыя ставили себѣ охваченные энтузіазмомъ

русскіе политическіе эмигранты, но она ведется и иными антидемократическими средствами. Она ведется при помощи стараго милитаристскаго аппарата, являющагося школой порока и преступленія, противъ котораго вчера еще боролись милліоны сознательныхъ пролетаріевъ міра. Каждый винтикъ въ этомъ аппаратѣ долженъ функціонировать, какъ цѣлое, механически и безвольно. Тотъ, кто вступилъ туда, не можетъ остановиться на полдорогѣ, не можетъ ограничиться «защитой Парижа», или «обороной демократіи». Но даже и въ этомъ аппаратѣ иностранный легіонъ занимаетъ исключительное мѣсто. Составленный изъ сорви-головъ, апашей, воровъ, педерастовъ, развратниковъ, отбросовъ общества, онъ прошелъ спеціальную военную выучку въ Африкѣ. И вотъ сюда-то, въ этотъ уголовный міръ мародеровъ и искателей приключеній, кинули русскую политическую эмиграціи, людей съ высоко развитой душевной организаціей, пришедшихъ на поля битвъ изъ-за идейныхъ побужденій, кинули вопреки всѣмъ обѣщаніямъ и декларацiямъ. И уже съ первыхъ дней стали приходить письма, одно безотраднѣе другого... «Никогда я не переживалъ такого униженія; даже въ то время, когда былъ въ Орловской каторгѣ, писалъ, напримѣръ, въ «Guerre Sociale», одинъ изъ русскихъ легіонеровъ. «Если насъ не переведутъ, изъ этого ада, обезличивающаго насъ, создающаго атмосфору моральнаго самоубійства, дѣло кончится кровью», писалъ въ частномъ письмѣ другой... «Насъ попрекаютъ казеннымъ пайкомъ, надъ нами издѣваются, что мы бѣглые каторжники, что мы пришли сюда чтобы обезпечить наши семейства, которыя дохли отъ голода» — вотъ основной тонъ всѣхъ этихъ раздирающихъ душу писемъ. Съ каждымъ днемъ наростали новые конфликты и росло взаимное озлобленіе. Зимой нынѣшняго года дѣло дошло до того, что 42 человѣка изъ «республиканскаго отряда» были пригнаны съ передовыхъ позицій въ Орлеанъ, откуда власти намѣревались ихъ отправить въ видѣ наказанія въ Африку. Дѣло уже тогда пахло кровью...

Двадцать третьяго іюня дѣло кончилось кровью...

Здѣсь мы могли бы поставить точку.

Въ томъ огромномъ океанѣ крови, который затопилъ собою миръ, кровь девяти русскихъ волонтеровъ — это девять маленькихъ капель, которыя завтра забудутся, а сегодня потревожатъ только покой соціалистическихъ депутатовъ, оставшихся выполнять свой суровый долгъ въ тылу. Но прежде чѣмъ закончить эту замѣтку, намъ хотѣлось бы знать, не чувствуютъ ли своей отвѣтственности оффиціальные и неоффиціальные инспираторы волонтерской кампаніи, тѣ, кто бралъ передъ Интернаціоналомъ торжественныя обязательства, тѣ чернильные журналисты что неистовствовали въ своихъ статьяхъ, та организація литературнаго «тыла», которая поставляла и поставляетъ идеологію войны на передовыя позиціи.?

Слышатъ ли они этотъ задыхающійся крикъ: «Помогите!», а, если слышатъ, то почему такъ дипломатически нынѣ молчатъ?

ПИСЬМО ГРУППЫ ВОЛОНТЕРОВЪ

адресованное одному видному русскому соціалисту

---

26 іюня 1915 года.

Товарищъ!

Мы, группа русскихъ волонтеровъ, обращаемся къ Вамъ, какъ къ человѣку, которому интересы наши не чужды, который принимаетъ къ сердцу всякую обиду, нанесенную намъ, а главное, который за всякую этакую обиду имѣетъ мужество потребовать должнаго объясненія. Вы великолѣпно знаете, по всѣмъ вѣроятностямъ, исторію вступленія нашего въ «ряды французской арміи»

(такъ намъ сказали). Мы пошли въ легіонъ. Трудно передать Вамъ все то, что мы перестрадали за эти 11 мѣсяцевъ пребыванія въ немъ. Мы находимся на фронтѣ 9 мѣсяцевъ, провели всю зимнюю кампанію, переносили голодъ, холодъ, всякія другія физическія страданія. Всѣ эти невзгоды мы встрѣчали съ замѣчательной стойкостью. Но чего мы пережить не могли и противъ чего мы часто возставали, — это были нравственныя страданія.

«Вы пришли сюда ѣсть похлебку».

«Вы-дезертиры, поступили въ волонтеры, чтобы избѣжать каторги, которая васъ ждала» — вотъ образчики тѣхъ рѣчей, которыми насъ угощали. Насмѣшки, надругательства, оскорбленія самаго низкаго сорта (дѣло доходило до побоевъ) — вотъ участь волонтеровъ вообще, а русскихъ, въ частности.

Да и не могло быть иначе. Всѣ наши начальники — отъ офицеровъ вплоть до капраловъ — вышли изъ дисциплинарныхъ батальоновъ, привыкшіе встрѣчаться съ необузданной волей дисциплинарцевъ. Они то и рѣшили апріори, что имѣютъ дѣло съ какимъ-то сбродомъ, и съ волонтерами стали обращаться, какъ съ таковымъ. Такое существованіе мы влачили цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ, забывая всякія чувства человѣческаго достоинства. Ибо все это мы переносили, рѣдко возражали.

Но вотъ 21 с. м. (н. с.) произошелъ случай, который заставилъ насъ содрогнуться. Кровь застываетъ въ жилахъ при одной мысли о той вопіющей несправедливости, вопли о мщеніи которой доходятъ до самаго неба и свидѣтелями которой являемся мы. Мы безсильны. Мы ничего не можемъ сдѣлать. Обращаемся къ вамъ за помощью. 17 с. м. ночью мы, т. е. батальонъ F 2-го иностраннаго полка, прибыли въ мѣстечко С. . . . . . , гдѣ мы и расположились лагеремъ, послѣ 20 килом. марша (мы перемѣняли секторъ). На слѣдующій день солдаты, за всѣ эти 9 мѣсяцевъ рѣдко видѣвшіе какую бы то ни было деревушку, хотѣли воспользоваться пребываніемъ въ ней и, разсыпавшись по всѣмъ улицамъ этого мѣстечка, устремились за разнаго рода покупками, за ви-

номъ, главнымъ образомъ. Но вдругъ выходитъ приказъ, что солдатамъ запрещается покупать вино, и тотъ, кто будетъ пойманъ, при покупкѣ вина, будетъ арестованъ. Такъ какъ такіе приказы издавались довольно часто и рѣдко кто на нихъ обращалъ вниманіе, то публика и на этотъ разъ вниманія на обратила. Вино продолжали продавать, а солдаты покупать. Но, какъ это часто бываетъ, вина, которое продавалось нарасхватъ, стало скоро не хватать, и оно сдѣлалось даже рѣдкимъ. И вотъ на улицахъ стали появляться, кто въ одиночку, кто парою, солдаты съ бидонами, разыскивающіе этотъ драгоцѣнный, хоть на минуту отрывающій насъ отъ грустной дѣйствительности, напитокъ.

Между ищущими вино находились Кононовъ и Каскъ (оба — второй роты). Оба они были навеселѣ, но ни въ какомъ случаѣ пьяны. Доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что Кононовъ, который долженъ былъ получить деньги и который имѣлъ «mandat», представившись въ такомъ видѣ своему лейтенанту съ просьбой дать взаймы немного денегъ, получилъ бумажку въ 20 фр., коихъ въ пьяномъ видѣ не получилъ бы. Съ этой-то бумажкой, захвативъ нѣсколько бидоновъ, они отправились на розыски. Они хотѣли наполнить и остальные бидоны.

Въ поискахъ за виномъ они очутились около караульнаго помѣщенія. Начальникъ караула sergent Barras, бывшій адъютантъ, разжалованный за побои, которыми онъ щедро угощалъ своихъ подчиненныхъ, находился какъ разъ въ сосѣднемъ домикѣ съ другими сержантами. При звукахъ рояля онъ, караульный начальникъ, и остальные сержанты устаивали попойку. Привлеченные звуками рояля Кононовъ и Каскъ приблизились. Узнавъ, что можно достать вина, они попросили наполнить оставшіеся порожними бидоны. Но тутъ выступилъ сержантъ Баррасъ. Опорожнивъ одинъ изъ полныхъ бидоновъ, онъ подзываетъ 6 человѣкъ изъ караула и велитъ арестовать обоихъ; никакіе протесты не помогли. Не помогло и сопротивленіе. Ихъ силой повели въ караульное помѣщеніе и оставили въ садикѣ, находившемся при до-

микѣ караульнаго помѣщенія и который былъ отдѣленъ отъ улицы желѣзной рѣшеткой. Злоба закипѣла въ болѣе впечатлительномъ Кононовѣ. Онъ разразился упреками по адресу сержанта Барраса и легіонеровъ вообще. Болѣе разсудительный Каскъ сталъ умолять сержанта Барраса пустить ихъ въ роту. Но Баррасъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ.

Кононовъ продолжалъ шумѣть.

Привлеченные шумомъ два его товарища изъ того же русскаго взвода, Кирѣевъ и Элефантъ, приблизились къ рѣшеткѣ спросить въ чемъ дѣло. Безъ всякихъ разговоровъ Баррасъ велитъ и ихъ арестовать подъ тѣмъ предлогомъ, что Кирѣевъ безъ шинели, въ мундирѣ. Несмотря на сопротивленіе, имъ пришлось раздѣлить участь своихъ товарищей. Начался еще большій шумъ. По адресу легіона стали раздаваться упреки. Давно накипѣвшая злоба вылилась наружу. Всѣ пережитыя обиды, и оскорбленія, всѣ порежитыя страданія, всѣ надругательства, которымъ они подвергались, стали принимать окраску настоящаго. Раскраснѣвшіеся подъ вліяніемъ выпитаго вина, которое начало теперь дѣлать свое дѣло, они, безсильные наполовину по-русски, наполовину по-французски старались излить свою злобу за прежнія обиды. Ихъ пробовали унять. Они просили отпустить ихъ въ роту. Сержантъ Баррасъ только усмѣхался. Они потребовали ихняго лейтенанта. Послѣдній явился. Всѣ они весьма вѣжливо и тихо стали объяснять, почему ихъ арестовали. Дѣло клонилось къ концу...

Но вотъ приходитъ комендантъ. Лейтенантъ Марокини желаетъ ему объяснить въ чемъ дѣло. То же самое хотятъ Кононовъ, Каскъ, Элефантъ и Кирѣевъ.

Но тотъ безъ всякихъ разговоровъ обращается къ Баррасу:

— Что, бунтъ? — спрашиваетъ онъ.

— Да, — коротко отвѣчаетъ тотъ.

— Связать ихъ, — грозно скомандовалъ онъ и ушелъ.

Послали за поддержкой, ибо 15 человѣкъ противъ 4 было мало. Караулъ былъ изъ 3 роты. Оттуда же взяли

поддержку въ 12 человѣкъ. Среди нихъ былъ полякъ Адамчевскій. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ потребовалъ замѣнить его другимъ, говоря, что онъ ничего не сумѣетъ сдѣлать противъ своихъ товарищей. Ему пригрозили полевымъ судомъ. Недолго думая, онъ бросилъ свою винтовку и патронташъ и, перескочивъ въ одинъ мигъ желѣзную рѣшетку, присоединился къ своимъ товарищамъ. Послали за веревками. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, ихъ все-таки связали. Тутъ намъ пришлось увидать картину, которая своимъ безобразіемъ и звѣрствомъ превосходитъ всякое человѣческое понятіе.

Сержантъ Баррасъ набрасывается на лежавшаго на землѣ, головою на камняхъ, связаннаго по рукамъ и ногамъ Кононова, и колотитъ его до тѣхъ поръ, пока у этого послѣдняго и силъ не было кричать. Самые близкіе товарищи Кононова не могли его узнать потомъ.

Лейтенантъ Sandré (онъ пришелъ, такъ какъ его рота была на караулѣ), извѣстный своей жестокостью педерастъ, приближается къ окровавленному Адамчевскому (3 рота) и въ то время, когда тотъ стонетъ отъ боли, Sandré наноситъ ему ударъ каблукомъ по головѣ съ такой силой, что кровь ручьемъ начинаетъ течь изъ уха и рта. Когда «infirmier» хотѣлъ было приблизиться сдѣлать ему перевязку, лейтенантъ Sandré не только не разрѣшилъ, но прогналъ его прочь, предварительно пригрозивъ подвергнуть его той же участи, которой подверглись и «бунтовщики». Лежавшему около Адамчевскаго Каску онъ нанесъ ударъ носкомъ въ голову. Не забудьте, что всѣ 5 были связаны по рукамъ и ногамъ до такой степени, что не могли сдѣлать малѣйшаго движенія. Но это не все. Когда лейтенантъ Сандре ушелъ, сержантъ Баррасъ хотѣлъ похвастаться своими легіонерскими способностями. Онъ раздѣлъ Кирѣева до гола и, позволяя себѣ разныя грубыя шутки съ нѣкоторыми частями его тѣла, облилъ все тѣло его холодной водой. Наконецъ, схвативъ громадный и грязный кусокъ тряпки, онъ сунулъ его ему въ ротъ и, помогая себѣ пал-

кой, онъ толкалъ ее все дальше и дальше въ глотку. Казалось, онъ хотѣлъ его задушить.

Всѣ эти надругательства продолжались до тѣхъ поръ, пока не пришелъ командиръ 2-ой роты, кап. J. Онъ приказалъ развязать своихъ солдатъ, сдѣлать имъ перевязки, дать имъ поѣсть и велѣлъ имъ отдохнуть.

Вся русская публика, узнавъ о происшедшемъ, заволновалась. Но было уже поздно.

Въ 3 часа утра мы ушли изъ К..... Всѣхъ 5 вели подъ конвоемъ. Они уже заранѣе заявили, что больше въ легіонъ не вернутся. 19 с. м. въ 7 час. утра мы пришли въ Р.... Русская публика, и такъ уже сплошь возбужденная, стала все больше и больше возбуждаться по мѣрѣ того, какъ узнавала подробности происшедшаго. Все чаще и чаще стали раздаваться голоса негодованія. Возбужденные до послѣдней крайности два русскихъ волонтера 1-ой роты Дыкманъ и Брудекъ сложили оружіе, заявивъ, что они никуда больше съ легіономъ не пойдутъ. Съ французскимъ полкомъ съ удовольствіемъ, но ни въ коемъ случаѣ не съ легіономъ. Русская секція, 2-я, рота послала Николаева и Петрова заявить то же самое. Всѣхъ этихъ 4 сразу арестовали. Та же участь постигла Колодина, Артамошина, Бродскаго, Палле и Шапиро. Эти 3 послѣдніе уже нѣсколько разъ убѣгали изъ легіона и, предаваясь жандармскимъ властямъ, открыто заявляли, что больше въ легіонѣ служить не хотятъ. Ихъ успокаивали всякій разъ, но не переводили. Самъ генералъ обѣщалъ похлопотать за нихъ, чтобы ихъ перевели во французскій полкъ. По обѣщанія оставались обѣщаніями. Несмотря на многочисленные побѣги, ихъ военному суду не предавали.

Къ русскимъ примкнули нѣкоторые армяне и др., такъ что вмѣстѣ оказалось 27 чел. заключенныхъ. Русская секція оставалась на свободѣ. Власти, узнавъ о происшедшемъ, прислали въ Р.... 2 взвода жандармовъ во главѣ съ полковникомъ и капитаномъ. Заключенныхъ заставляли вернуться въ свои роты. Они отказались вернуться наотрѣзъ, повторяя, что они пойдутъ съ какимъ

бы то ни было французскимъ полкомъ, но ни въ коемъ случаѣ не съ легіономъ.
20 с. м. въ 6 час вечера надо было уходить. Русская секція 2-ой роты отказалась слѣдовать. Жандармскій полковник началъ съ угрозъ. Но угрозы ни къ чему не привели. Только добрыми словами и послѣ того, какъ обѣщалъ дать имъ отвѣтъ въ 24 часа, онъ добился того, что они пошли.

Все это произошло на задней линіи, за нѣсколько десятковъ километровъ отъ непріятеля.

Отвѣтъ получился немедленно.

9 человѣкъ было разстрѣляно (8 русскихъ).

Вотъ фамиліи ихъ:

Палле, Дыкманъ, Брудекъ, Элефантъ, Артамошинъ, Николаевъ, Петровъ, Шапиро и арм. Тимокошанъ.

8 человѣкъ были приговорены къ публичнымъ работамъ на 5 лѣтъ, между ними: Каскъ, Кирѣевъ, Левинсонъ и др.

10 человѣкъ на 10 лѣтъ: Кононовъ, Колодинъ, Лившицъ и др.

Вотъ Вамъ отвѣтъ въ 24 часа.

Дѣйствительно сдержали слово.

Мы вступили въ Р. . . . . въ 6 час. вечера, а въ 3 часа дня всѣ 9 чел. были разстрѣляны.

Разсказываютъ, что ихъ разстрѣляли на фермѣ Auternay около Р. . . . . .

Они приняли приговоръ спокойно, а на смерть пошли, какъ герои.

«Vive la France, vive la Russie!

«A bas la legion!» — были ихъ послѣднія слова.

Извѣстіе это поразило насъ до такой степени, что мы шлялись, какъ сумасшедшіе.

Руки наши опустились. Ужасная апатія охватила насъ.

Мы безсильны. Горе обрушившейся скалой придавило насъ всей силой своей тяжести.
Мы задыхаемся.

Помогите!

Группа русскихъ волонтеровъ.

Отъ редакціи. Казненные 9 человѣкъ не принадлежали къ «республиканскому отряду», организованному при содѣйствіи соціалистической парламентской фракціи исключительно изъ элементовъ политической эмиграціи и членовъ русскихъ соціалистическихъ организацій и анархическихъ группъ г. Парижа. Но среди казненныхъ оказались какъ разъ тѣ товарищи, которые пытались стихійную вспышку «изъ-за вина» перевести въ русло организованнаго протеста противъ тяжелыхъ условій, въ которыя были поставлены въ иностранномъ легіонѣ русскіе волонтеры. Такъ, среди казненныхъ были два делегата 2-ой роты Николаевъ и Петровъ и другіе 7 человѣкъ, отказавшіеся дальше служить въ иностранномъ легіонѣ. Какъ видитъ читатель, самая суровая кара постигла тѣхъ, кто разрядившемуся случайнымъ инцидентомъ настроенію пытался придать организованную форму.

* * *

По полученнымъ нами въ послѣднее время свѣдѣніямъ около 800 человѣкъ русскихъ волонтеровъ, среди которыхъ значительное число политическихъ эмигрантовъ отправляется, въ виду выраженнаго ими желанія, на русскій фронтъ. Какія моральныя пытки должны были пройти эти люди въ «иностранномъ легіонѣ», чтобы предпочесть русскую тюрьму и каторгу почетному посту защитниковъ «демократіи» противъ абсолютизма.

ПИСЬМО СЪ ФРОНТА

15 мая 1915 г.

... Вчера получилъ твое письмо и открытку, но не былъ въ состояніи даже ихъ прочесть,—проспалъ всю ночь, какъ убитый. Сегодня утромъ, проснувшись — кровной кошмаръ прошелъ—опомнился обо всемъ пережитомъ за послѣдніе 5 дней; душа начинаетъ успокаиваться; прочелъ твои письма.

Уже за нѣсколько дней раньше мы знали, что наши 4 батальона волонтеровъ первыми выступаютъ въ бой. Въ послѣдній день мы были готовы къ концерту.

Вотъ въ субботу вечеромъ мы уходили занимать позицію въ первую линію.

Въ 7 часовъ утра, въ воскресенье 9-го мая, наша артиллерія заговорила, нѣсколько сотъ пушекъ били 3 часа до 10, и вдругъ замолкли. Наши 4 батальона, какъ тигры, выскочили изъ нашихъ траншей и мчались къ нѣмецкимъ траншеямъ, какъ львы. Ихъ пулеметы и артиллерія осыпали насъ огнемъ, но въ 10 минутъ мы уже были въ ихъ траншеяхъ. Тутъ я видѣлъ сотни блѣдныхъ людей, бросившихъ ружья на землю. Они кричали: „camarades, camarades, не убейте насъ“. Мы перескакивали черезъ ихъ траншею и мчались дальше къ слѣдующей. На насъ все сыпался огонь Мы достигли второй и, не остановясь, бросились къ третьей, такъ какъ у нихъ было три линіи траншей. Но изъ третьей они уже не стрѣляли, а сотнями выскочили и бросились удирать. А мы гнались и осыпали ихъ градомъ. Видѣлъ я, какъ они падали, какъ мухи,—поле было усѣяно трупами, я какъ-то два раза упалъ, зацѣпившись за трупы, но каждый разъ схватывался и бѣжалъ дальше. Наскочилъ на одного офицера, лейтенанта, раненаго, который держалъ въ рукѣ револьверъ, и продолжалъ стрѣлять въ насъ. Я только успѣлъ ударить его ружьемъ по головѣ, вырвалъ у него револьверъ и самъ упалъ безъ чувствъ, — больше не было силъ бѣжать. Такъ я лежалъ пару минутъ. Одинъ товарищъ хотѣлъ перевернуть меня, посмотрѣть, живъ ли я. Открывъ глаза я увидѣлъ впереди меня, какъ наши продолжаютъ сражаться уже около одного большого городка, гдѣ нѣмцы были укрѣплены. Я первый разъ оглянулся назадъ, опомнившись, и бросился къ городку. Черезъ часъ была нами взята половина этого городка, нѣсколько пушекъ, болѣе тысячи плѣнныхъ: они выскакивали изъ окоповъ, изъ погребовъ и отдали намъ въ руки этотъ городокъ (Carency). А направо наши сражались и уже былъ взятъ второй городокъ (Neuville). На помощь намъ пришли зуавы и тирайеры Все это продолжалось полтора часа, мы прошли 5 килом въ глубину и 7 въ ширину.

Наши рвутся дальше, но не было возможности, такъ какъ наши сосѣди по правой и лѣвой сторонѣ авансиро-

вали всего на 2 кил., и мы очутились въ огнѣ съ трехъ сторонъ. Офицеры наши почти всѣ пали, полная анархія.

Мы начали укрѣпляться и ждемъ нѣмецкой контръ-атаки. Всѣ принялись за работу, копаютъ ямы, гдѣ бы можно было укрыться отъ снарядовъ. Наступаетъ ночь. У кого нѣтъ картушекъ, снимаетъ съ мертвыхъ или раненыхъ.

Въ 8 час. вечера нѣмцы намъ устраиваютъ концертъ —шрапнели, обюсы сыпались какъ дождь на насъ, но изъ нашихъ никто не трогается съ мѣста. Это продолжалось 2 часа до 10 ти. Пушки замолчали, а ихъ пѣхота двинулась на насъ густыми толпами, но мы открыли такой огонь, что они бросились обратно и оставили сотни убитыхъ и раненыхъ. Всю ночь мы продолжали стрѣлять, — ружья наши были красныя. Къ утру они опять аттаковали насъ, но каждый разъ были отбиты.

Такъ тянулось 9, 10, 11 и 12 числа. Я кушалъ траву, думалъ, что умру отъ жажды, но 12 ночью насъ замѣнили другія войска и насъ убрали съ поля битвы.

Вотъ когда вернулся обратно, то видѣлъ сотни мертвыхъ нѣмцевъ, но и не мало нашихъ тоже,—насъ осталось половина, но 80 проц. — это раненые.

Теперь мы находимся 15 килом. отъ поля битвы. Вчера увидѣлъ газету отъ 14-го и тамъ имѣется о нашемъ боѣ, и сказано, что за 7 мѣсяцевъ битвы, ни нѣмецкая армія, ни французская не показали такой жестъ, сражаться какъ наши 4 батальона, но не говорятъ, что это мы—волонтеры. Сегодня былъ генералъ и поздравилъ насъ отъ имени Жоффра и военнаго министра...

... Въ другой разъ напишу о болѣе глубокихъ пререживаніяхъ. На четвертый день, когда вернулся, встрѣтился съ С., я думалъ, что онъ убитъ, то же самое онъ думалъ обо мнѣ. Мы теперь вмѣстѣ и дѣлимся всѣмъ пережитымъ.

* * *

Отъ редакціи. Мы приводимъ въ качествѣ документа письмо о знаменитой аттакѣ у Каренси и Невилля, гдѣ 80% наличнаго состава аттакующихъ было перебито и выбыло изъ строя. Въ первую голову вызвались добровольно итти въ аттаку че-

тыре батальона русско-польскихъ волонтеровъ. Нужно ли говорить о томъ, что огромное большинство изъ нихъ погибло въ этомъ бою. Настоящее письмо, написанное частному лицу — не только живая, кричащая иллюстрація безумія и ужаса братоубійственной свалки, но и иллюстрація боевого азарта, за который французская военщина заплатила тѣмъ же русско-польскимъ волонтерамъ у Каренси разстрѣломъ ихъ 9 товарищей. Мы приводимъ его не мѣняя стиля.

ДОКЛАДЪ

Соціалистической Фракціи Палаты Депутатовъ

Отъ Эмигрантскаго Комитета

„Моральное давленіе", производимое сейчасъ полицейскими комиссарами по распоряженію правительства въ Парижѣ и въ провинціи надъ русскими, польскими и еврейскими эмигрантами, сильно взволновало колонію. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ это давленіе принимаетъ необычайно энергичную и грубую форму, главнымъ образомъ въ отношеніи къ рабочимъ и, вообще, къ бѣдному люду. Комиссары предоставляли выборъ между возвращеніемъ въ Россію для отбыванія воинской повинности и записью добровольцами въ иностранный легіонъ; уклоняющимся угрожали выселеніемъ въ концентраціонные лагери или внѣ предѣловъ укрѣпленной области Парижа.

Подобныя мѣры сѣютъ панику среди лицъ, являющихся жертвами политическихъ, религіозныхъ и національныхъ гоненій въ Россіи. Они не могутъ возвратиться въ страну, въ которой ихъ ждутъ тюрьмы, каторга и погромы. Прелести русскаго режима образуютъ непреодолимое препятствіе возвращенію на родину тѣхъ, кто эту родину покинулъ подъ угрозой безчисленныхъ и для

французскихъ гражданъ непостижимыхъ преслѣдованій. Настаивать на возвращеніи на родину русскихъ эмигрантовъ, — значитъ служить дѣлу ярыхъ реакціонеровъ, тюремщиковъ и зачинщиковъ погромовъ. Мы увѣрены, что французская соціалистическая партія со всей энергіей воспротивится этому незаконному давленію, являющемуся мѣрой антидемократической и антиконституціонной, посягающему на священное право убѣжища и создающему опасный прецедентъ.

Съ другой стороны, никто не имѣетъ права подъ угрозой заставлять кого бы то ни было записываться добровольцемъ во французскую армію. Обязательное добровольчество есть такая явная нелѣпость, что намъ незачѣмъ долго останавливаться на этомъ пунктѣ. Мы не отрицаемъ, что французское правительство вправѣ вести пропаганду добровольчества всѣми законными и имѣющимися въ его распоряженіи способами, но его агенты перешли всякую границу. Они взялись за дѣло такъ усердно, что сотни русскихъ, еврейскихъ и польскихъ бѣдняковъ, устрашенные ихъ угрозами, спѣшно ликвидируютъ въ разорительныхъ условіяхъ свои дѣла и готовятся покинуть Францію. Множество рабочихъ и среди нихъ такіе, которые заняты на оружейныхъ заводахъ, увольняются подъ предлогомъ, что они дескать подлежатъ воинской повинности. Таковъ одинъ изъ первыхъ результатовъ „моральнаго давленія“, и мы весьма сомнѣваемся въ томъ, что онъ выгоденъ французскому народу, одновременно съ точки зрѣнія его моральнаго престижа и для его матеріальныхъ интересовъ.

Необходимо отмѣтить еще слѣдующее: даже доброволь ная служба во французской арміи не можетъ помѣшать русскому правительству разсматривать русскихъ волонтеровъ, какъ уклоняющихся отъ воинской повинности. Согласно оффиціальному сообщенію русскаго посольства въ Парижѣ, русскіе подданные, поступившіе въ качествѣ волонтеровъ во французскую армію, этимъ самымъ еще не освобождаются отъ военной службы въ Россіи. Правда, военному министру предоставляется освобождать отъ

службы отдѣльныхъ волонтеровъ французской арміи, но въ каждомъ случаѣ онъ долженъ испрашивать объ этомъ мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, иначе говоря, департамента полиціи. А послѣдній никогда не дастъ благопріятнаго отзыва ни о революціонерахъ, ни о евреяхъ.

Болѣе того, семьи русскихъ евреевъ, подлежащихъ призыву и лишенныхъ возможности явиться для него въ Россію или предпочитающихъ, по какой бы то ни было причинѣ, поступить волонтерами во французскую армію, не освобождаются отъ уплаты 300 руб. — единственной въ своемъ родѣ въ Европѣ таксы, взимаемой русскимъ правительствомъ за каждаго еврейскаго эмигранта, подлежащаго призыву, даже тогда, когда послѣдній съ дѣтства покинулъ Россію. Мы можемъ указать имя еврейскаго волонтера, который былъ раненъ на полѣ брани во Франціи и, несмотря на это, не въ силахъ былъ помѣшать тому, чтобы его неимущая семья въ Россіи уплатила за него эти 300 рублей.

Сверхъ того, особенности обращенія, или скажемъ тотчасъ же, плохое обращеніе съ русскими, польскими и еврейскими волонтерами въ иностранномъ легіонѣ, нравственныя мученія, претерпѣваемыя ими, и, наконецъ, драма, недавно разыгравшаяся въ окрестностяхъ Арраса, гдѣ 9 волонтеровъ подверглись разстрѣлу и многіе другіе были присуждены къ каторжнымъ работамъ — все это не можетъ поддерживать энтузіазма и способствовать дальнѣйшему зачисленію добровольцевъ во французскую армію.

Во всякомъ случаѣ, ничто не въ силахъ принудить людей къ добровольчеству, которое, вѣдь, уже по своему названію, предполагаетъ добровольный актъ. Всякое моральное давленіе, за которымъ слѣдуетъ угроза, недопустимо. Давленіе, сопровождаемое мѣрами принужденія, перестаетъ быть моральнымъ и становится матеріальнымъ, почти физическимъ.

Большому количеству русскихъ эмигрантовъ въ комиссаріатахъ заявляли, что будутъ приняты репрессивныя мѣры противъ тѣхъ, которые откажутся служить въ рус-

ской или французской арміяхъ. Правда, ихъ не выселятъ въ концентраціонные лагери, какъ это утверждали нѣкоторые комиссары, — удовольствуются ихъ высылкой изъ предѣловъ защищенной области Парижа. Отъ этого положеніе нисколько не улучшается. Напротивъ, въ концентраціонныхъ лагеряхъ правительство или муниципалитетъ были бы вынуждены снабжать пищей и кровомъ неимущихъ эмигрантовъ, между тѣмъ, какъ во всякомъ обыкновенномъ городкѣ внѣ предѣловъ защищенной области Парижа, эти люди умирали бы съ голоду. Населеніе провинціи смотрѣло бы на такихъ бѣженцевъ, какъ на подозрительныхъ иностранцевъ и относилось бы къ нимъ съ все растущей непріязненностью. И въ конечномъ счетѣ, такое распространеніе по всей Франціи зародышей антисемитской агитаціи — ибо большинство эмигрантовъ евреи — было бы только на руку французскимъ реакціонерамъ.

Мы думаемъ, что результатъ былъ бы довольно жалкимъ, и изъ-за него во всякомъ случаѣ не стоило бы сѣять панику въ средѣ тысячъ мирныхъ эмигрантовъ, разорять многочисленныя семьи и парализовать, лишая ихъ рабочихъ рукъ, большое количество фабрикъ и мастерскихъ платья, шапочныхъ, шляпныхъ и мѣховыхъ.

Мы полагаемъ также, что тѣ эмигранты, которые будутъ искать въ Америкѣ или въ другихъ странахъ пріютъ отъ „нравственнаго давленія“, не унесутъ съ собой изъ Франціи хорошихъ воспоминаній; а нравственный престижъ послѣдней отъ этого нисколько не выиграетъ въ глазахъ цивилизованнаго міра.

Мы убѣждены, на основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, что республиканская Франція въ такое тягостное время откажется санкціонировать столь жестокое посягательство на право убѣжища и на традиціи гостепріимства, создавшія ей въ средѣ изгнанниковъ вѣрныхъ друзей. Мы вѣримъ, что французская соціалистическая партія сдѣлаетъ все возможное, для того, чтобы положить конецъ незаконнымъ и антиконституціоннымъ мѣрамъ, ко-

торыя были приняты во Франціи въ отношеніи къ русскимъ эмигрантамъ.

Парижъ, 25 іюня 1915 г.

Въ приложеніи къ этому докладу былъ приведенъ рядъ фактовъ насилія и угрозъ со стороны комиссаровъ по адресу вызываемыхъ въ участокъ.

* * *

Отъ редакціи. Почти одновременно съ драмой въ Каренси французское республиканское правительство предприняло кампанію противъ русской эмиграціи, обвиненной русскимъ посольствомъ поголовно въ дезертирствѣ. Комиссарамъ полиціи было предписано оказать «моральное давленіе» на русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Парижѣ, и побудить ихъ или къ возвращенію въ Россію, или къ немедленному вступленію въ «иностранный легіонъ». Въ отвѣтъ на эту кампанію былъ конституированъ Эмигрантскій Комитетъ для обороны, обратившійся къ соціалистической фракціи палаты депутатовъ съ докладной запиской, недопущенной французскими властями къ опубликованію.

„Vive la France!"*)

Съ этимъ крикомъ умерли на сѣверѣ Франціи девять русскихъ волонтеровъ. Они умерли не подъ германскими пулями. Ихъ разстрѣляли французскіе паріи — африканскіе солдаты.

За что ихъ убили?

Они не хотѣли дольше служить въ иностранномъ легіонѣ; они заявили, что предпочтутъ умереть, но не вер-

---

*) Настоящая статья не могла быть опубликована въ русской соціалистической печати въ Парижѣ.

нутся въ строй этихъ дисциплинарныхъ ротъ, гдѣ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ они подвергались пыткѣ наглыхъ оскорбленій, открытаго заподазриванія двинувшихъ ихъ на „защиту республики“ чувствъ. Они не хотятъ болѣе слышать рѣчей о солдатскомъ пайкѣ, въ погонѣ за которымъ будто бы они пошли въ волонтеры; не хотятъ подвергаться исключительному режиму штрафованныхъ.

Когда въ августѣ они предложили свою жизнь республикѣ, соціалистическая фракція ручалась передъ ними, что они пойдутъ въ регулярные полки Франціи. И сколько разъ съ тѣхъ поръ они умоляли французскихъ властей дать имъ равенство въ смерти съ французскими гражданами, не держать ихъ въ исключительномъ режимѣ иностраннаго, прославившагося на весь міръ безобразіемъ своихъ порядковъ, легіона. Не были услышаны ихъ призывы.

И вотъ, наконецъ, они возмутились. Послѣ 9 мѣсяцевъ боевой службы, они отказались, наконецъ, итти въ бой, пока имъ не будетъ оффиціально обѣщано перевести ихъ во французскіе полки.

Въ этомъ было все ихъ преступленіе. И за это — 18 человѣкъ приговорено къ каторгѣ и 9 человѣкъ разстрѣляно.

„Странные люди — эти русскіе! — отозвался о нихъ ихъ корпусный командиръ. — „Храбро сражались съ нѣмцами, храбро умирали подъ французскими пулями и, умирая, кричали — Vive la France!“

Да, странные люди! Современная Франція — Франція демократіи, сломившей спинной хребетъ монархіи, вырвавшей Дрейфуса изъ когтей военной камарильи, бурно протестовавшей противъ убійцъ Феррера, двухсоттысячнымъ строемъ провожавшей въ Парижѣ трупъ Эрну, жертвы „африканскихъ батальоновъ“... Но въ то же время — Франція затаенной, широко разползшейся реакціи, биржевыхъ спекуляцій, грандіозныхъ панамъ, торжествующаго Бириби, — военныхъ судовъ, военныхъ застѣнковъ, всесильной полиціи „нравовъ“; Франція — демокра-

тіи, но демократіи безсильной навязать правительству свою мирную программу, безсильной противостать политикѣ колоніальныхъ авантюръ, безсильной принудить страну слѣдовать совѣту Жореса — разорвать рабскую цѣпь, связующую ее съ очагомъ реакціи, съ Россіей кнута и висѣлицы, тюрьмы и погромовъ, съ Россіей, втянувшей ее, по предвидѣнію великаго трибуна, въ теперешнюю войну.

Современная Франція, ведущая войну методами, достойными злѣйшей изъ реакціонныхъ странъ, воскрешающая законы монархіи, чтобъ усилить власть своего правительства, сдавшаяся на милость злѣйшимъ реакціонерамъ, не смѣющая протянуть руку къ полнымъ кассамъ богатыхъ, но грабящая жизнь и достояніе трудящихся массъ!

Этой ли Франціи, представленной военнымъ судомъ, ихъ приговорившимъ къ смерти, и чернокожими солдатами, ихъ разстрѣлявшими, этой ли Франціи разстрѣливаемые волонтеры „демократіи" крикнули свое „Vive la France?

Болѣзненный, предсмертный ихъ крикъ былъ кличемъ призыва къ той демократіи, которая въ громадномъ большинствѣ своемъ измѣнила своему знамени, которая, въ меньшей части своей, слишкомъ слаба еще, чтобъ поднять это знамя призывно надъ кровавымъ кошмаромъ войны.

Та Франція, за которую пошли вы умирать, заблудшіе братья, которой, умирая, кричали вы привѣтъ, та Франція не родилась еще. И она родится не изъ этой войны, войны націй, не на этихъ трупахъ она расцвѣтетъ. Франція, объятая чистымъ пламенемъ новой подлинно Великой Революціи, свободная Франція, братски слитая со свободной Германіей, со свободной, умершіе братья, Россіей, братски слитая со всѣмъ освобождающимся отъ всякаго гнета человѣчествомъ, свободная Франція встанетъ изъ борьбы съ ея темными силами, вызвавшими эту войну и изъ побѣды рабочихъ въ этой послѣдней борьбѣ.

ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ФРАНЦІЮ

(«Berner Tagwacht» № 152)

Какъ только была объявлена война, тысячи русскихъ, поляковъ и евреевъ вступили во французскую армію. Подданные деспотическаго государства, изъ когтей котораго многимъ изъ нихъ удалось вырваться, они шли проливать свою кровь за французскую демократію. Сыны націй, все существованіе которыхъ было однимъ сплошнымъ мученичествомъ, они надѣялись цѣною своихъ костей, сложенныхъ на поляхъ Франціи купить свободу и для своей родины. Вѣдь не могла же демократическая Франція освобождать міръ отъ прусскаго милитаризма, не содѣйствуя при этомъ внутреннему освобожденію Россіи!

Бокъ о бокъ шли они вмѣстѣ съ французскими солдатами бороться противъ нѣмецкаго милитаризма. Ихъ трупы гніютъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, ихъ много легло на Марнѣ, гдѣ груда человѣческихъ тѣлъ задержала наступленіе нѣмецкой лавины. Французская пресса разсказывала міру объ иностранцахъ, добровольно умиравшихъ за свободу Франціи. Она видѣла въ этомъ доказательство великой миссіи Франціи, несущей освобожденіе народамъ. Газеты „l'Humanité" и „la Guerre Sociale" вербовали русскихъ и польскихъ товарищей въ ряды французской арміи а Вальянъ благословлялъ волонтеровъ.

Когда все это было? Въ старое легендарное время, въ августѣ и сентябрѣ 1914 года. Теперь у насъ іюль 1915 года. Изъ тѣхъ русскихъ, польскихъ и еврейскихъ

волонтеровъ, которые 10 мѣсяцевъ тому назадъ пошли на поля сраженія, сотни уже пали. Среди нихъ много нашихъ товарищей. Но отъ одного изъ тѣхъ, кого пуля еще пощадила, русскіе товарищи получили письмо отъ 23 іюня, которое мы не можемъ скрыть отъ французской соціалъ демократіи:

„Дорогой товарищъ, кровь и трупный запахъ наполняютъ воздухъ. Кровь льется и люди падаютъ какъ отъ нѣмецкихъ, такъ и отъ французскихъ пуль. Во многихъ французскихъ полкахъ уже заявляютъ протесты и проявляется революціонное недовольство. А съ нашимъ легіономъ дѣло обстоитъ совсѣмъ печально. Обстоятельства создались совершенно невиносимыя. У каждой землянки находится сторожевой съ заряженнымъ ружьемъ и безъ вѣдома капрала даже «до вѣтру» выйти нельзя. Это еще гораздо страшнѣе, чѣмъ быть военноплѣннымъ, ибо тѣхъ не ожидаетъ, по крайней мѣрѣ, каждую минуту на каждомъ шагу смерть. Нѣсколько дней тому назадъ въ моемъ бывшемъ батальонѣ сорокъ человѣкъ отказались служить въ иностранномъ легіонѣ. Позавчера военнымъ судомъ 27 изъ нихъ были осуждены къ каторжнымъ работамъ отъ 5 до 10 лѣтъ каждый, *9 были приговорены къ смертной казни*, изъ нихъ семь мнѣ знакомыхъ (всѣ русскіе). Вчера послѣ обѣда *ихъ убили черныя африканскія войска.* За что? И почему? Сегодня же намъ офицеръ читалъ въ рапортѣ ихъ имена и наказанія со сладкой улыбкой на губахъ и въ заключеніе сказалъ «Остерегайтесь!» Скажи, какое можетъ быть желаніе

служить какому то «patrie»... Однимъ словомъ, положеніе невыносимое... *Распространяйте это извѣстіе по всей колоніи.*"

Содержаніе этого письма подтверждается изъ сотенъ другихъ источниковъ. Съ людьми, которые шли умирать за демократію, обращаются, какъ съ авантюристами и наемными мошенниками, и, когда они, выведенные изъ себя, пытаются робко протестовать, Франція платитъ имъ, въ знакъ благодарности, свинцомъ.

Ни „Guerre Sociale", ни „Нашему Слову", пытавшимся предать гласности эти факты, не было позволено цензурой ихъ касаться. А между тѣмъ французское правительство позволяетъ разстрѣливать нашихъ русскихъ, польскихъ и чешскихъ товарищей, которыхъ десятимѣсячное пребываніе въ арміи убѣдило, наконецъ, въ томъ, что имъ приходится умирать не за демократію, а за французскій капиталъ. Къ намъ доносятся ихъ раздирающіе душу крики о помощи. Увы! Помочь мы имъ безсильны. Мы только можемъ высоко поднять ихъ окровавленныя тѣла, чтобы ихъ видѣлъ международный и французскій пролетаріатъ, чтобы ихъ видѣли соціалистическіе министры Франціи Жюль Гэдъ, Марсель Самба, Альберъ Тома.

Жюль Гэдъ, Марсель Самба, Альберъ Тома! Мы не хотимъ обвинять васъ въ томъ, что пущенная вами въ обиходъ освободительная легенда пригнала въ ряды волонтеровъ этихъ несчастныхъ людей. Вы сами принесли въ жертву этой легендѣ ваши души, а Вы, Жюль Гэдъ, и Ваше историческое имя. Принося сами жертвы, вы вправѣ были требовать жертвъ и отъ другихъ. Теперь передъ вами стоятъ мертвецы, своимъ мученичествомъ

котор...

лизмъ.

И если вы, Жюль Гэдъ, Марсель Самба, Альберъ Тома, подымете вашъ голосъ противъ этого убійства, спросите тогда у своей совѣсти, не представляютъ ли французскіе рабочіе, которые умираютъ „за Францію“ большой иностранный легіонъ, гибнущій за чужое дѣло и сознающій все яснѣе эту трагедію. И если въ вашей совѣсти мелькнетъ это сознаніе и встанетъ вопросъ: „Да какъ мы можемъ протестовать изъ-за 9 русскихъ, если... Тогда лучше не протестуйте, а сбросьте цѣпи, приковавшія васъ къ колесницѣ буржуазіи — *начните борьбу!*

Какъ когда-то, Жюль Гэдъ!

И если вы этого не сдѣлаете, не поможетъ вамъ и вашъ протестъ. Тогда передъ судомъ исторіи вы должны будете дать отвѣтъ: За что призывали вы умирать вашихъ товарищей?

Parrabellum.

ЦѢНА 30 САНТ.

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois, 12. Genève.